

Оригинальная статья

УДК 141; 125

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-15-32>

Кантовский поворот: между актуальной и потенциальной бесконечностью

Мария Игоревна Филатова

*Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И. И. Иванова, Курск, Россия,
m.philatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8032-3816>*

Введение. Цель статьи – показать, что кантовский поворот является ответом на проблему актуальной бесконечности, в свете которой становится понятно, каким образом Кант способствовал повороту западной эпистемологии к неклассике. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сделать современную эпистемологию более «зрячей» по отношению к собственным перспективам и возможностям.

Методология и источники. Осуществляется реконструкция и критический анализ подхода Канта к нейтрализации проблемы актуальной бесконечности на основе привлечения как первоисточников, так и историко-философских и историко-научных работ, современных исследований в области теории познания.

Результаты и обсуждение. Кантовским разделением «в себе» и «для нас» конечный и зависимый мир отрезается от бесконечного и независимого. Последний опустошается от своего теологического содержания (унаследованного от Николая Кузанского) и вместо центрального получает периферийное значение, объявляется непознаваемой вещью в себе, а первый наделяется некоторыми свойствами последнего и объявляется самодостаточным образованием. Так трансцендентное становится трансцендентальным, а проблема связи конечного и бесконечного, обсуждаемая предшественниками Канта (Галилеем, Декартом и др.), нейтрализуется и переходит в разряд антиномий. Но обнаружение несостоятельности кантовского разделения «в себе» и «для нас» делает проблему соотношения конечного и бесконечного вновь актуальной. Однако теперь первое становится уже совершенно «слепым» по отношению к последнему, так что все, находящееся за пределами «для нас», может быть отнесено к «в себе». Так на месте актуальной бесконечности как трансцендентного возникает потенциальная бесконечность, не знающая пределов своей имманентности. Показано, что такая подмена, оставаясь неопознанной, способна дезориентировать современную теорию познания еще больше.

Заключение. Выявление того, каким образом переосмысление Кантом соотношения конечного и бесконечного способствовало подмене актуальной бесконечности бесконечностью потенциальной, дает понять, что такой подменой не нейтрализуется исходная проблема актуальной бесконечности, но что такая подмена сама является реальной проблемой, заострение которой сулит большие перемены в теории познания.

Ключевые слова: актуальная бесконечность, потенциальная бесконечность, антиномии, кантовский поворот, классическая и неклассическая эпистемология, генезис новоевропейского естествознания

Для цитирования: Филатова М. И. Кантовский поворот: между актуальной и потенциальной бесконечностью // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 15–32. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-15-32.

© Филатова М. И., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Kant's Turn: Between Actual and Potential Infinity

Maria I. Philatova

*Kursk State Agricultural I.I. Ivanov Academy, Kursk, Russia,
m.philatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8032-3816>*

Introduction. The purpose of the article is to show that Kant's turn is the answer to the problem of actual infinity, in the light of which it becomes clear how Immanuel Kant contributed to the turn of Western epistemology to non-classics. The relevance of the research is due to the need to make modern epistemology more "sighted" in relation to its own prospects and opportunities.

Methodology and sources. The author of the article reconstructs and critically analyzes Kant's approach to neutralizing the problem of actual infinity on the basis of the involvement of both primary sources and historical-philosophical and historical-scientific works, modern research in the field of the theory of cognition.

Results and discussion. Kant's separation of "in itself" and "for us" separates the finite and dependent world from the infinite and independent. The latter is emptied of its theological content (inherited from Nicholas of Cusa) and, instead of a central meaning, receives a peripheral one, is declared an unknowable thing in itself. And the former is endowed with some properties of the latter and is declared a self-sufficient education. So the transcendent becomes transcendental, and the problem of the connection between the finite and the infinite, discussed by Kant's predecessors (Galileo, Descartes, etc.), is neutralized and passes into the category of antinomies. But the discovery of the inconsistency of Kant's separation "in itself" and "for us" makes the problem of the ratio of the finite and the infinite relevant again. However, now the former becomes completely blind to the latter, so that everything that is beyond "for us" can be attributed to "in itself". Thus, in place of the actual infinity as transcendent, a potential infinity arises that does not know the limits of its immanence. The author of the article shows that such substitution, while remaining unidentified, can disorient the modern theory of cognition even more.

Conclusion. Revealing how Kant's reinterpretation of the relation of the finite and the infinite contributed to the substitution of the actual infinity by the potential infinity makes it clear that such a substitution does not neutralize the original problem of the actual infinity, but that such a substitution is itself a real problem, the sharpening of which promises great changes in the theory of knowledge.

Keywords: actual infinity, potential infinity, antinomies, Kant's turn, classical and non-classical epistemology, genesis of New European natural science

For citation: Philatova, M.I. (2023), "Kant's Turn: Between Actual and Potential Infinity", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 15–32. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-15-32 (Russia).

Введение. Кант остается одним из самых неоднозначных представителей истории философии. Совершенная им «коперниканская революция» в теории познания признается первым уверенным шагом европейской философии на пути ниспровержения классики. Канта признают родоначальником конструктивизма, ставшего сегодня мейнстримом современной философии [1]. Но наряду с этим устоялась тенденция противопоставления Канта и конструктивистов, в русле которой нередко настаивают на несовместимости того и другого [2].

С другой стороны, оправданность стремлений неклассической эпистемологии занять место классики остается дискутируемой темой и имеет как сторонников, так и противников.

Так, по мнению Б. И. Пружинина, перед современной эпистемологией стоит задача «понять современные течения не как “передовые” прозрения истины, а как проблематизации» [3, с. 244]. Он считает, что сегодня «надо искать форму трансформации возможностей познания, искать философскую формулу познания, а не пытаться возводить в норму описания различного рода отклонений от нее» [3, с. 246]. Ввиду этого прояснение вопроса о месте Канта в историко-философском процессе и его вкладе в развитие эпистемологии может стать весомым аргументом в пользу одной из противостоящих позиций. Но для начала следует определиться с общими контурами рассматриваемого вопроса, а именно с тем, в чем суть кризиса классической эпистемологии и какая проблема привела к необходимости ниспровержения эпистемологической классики.

Как будет показано, такой проблемой стала нереализуемость актуальной бесконечности. Заострение этой проблемы во времена Канта было спровоцировано тем, что его ближайшими предшественниками, основателями новоевропейской эпистемологии (Галилеем и Декартом) возможность реализации актуальной бесконечности была неоправданно допущена. Проект математического естествознания, само обоснование возможности математизации природы утверждались на допущении актуальной бесконечности. Поэтому первостепенная задача основателей новоевропейской науки состояла в том, чтобы легализовать актуальную бесконечность. Исследователям истории и философии науки известна крайняя заинтересованность Галилея и Декарта в возможности положительного понимания актуальной бесконечности. Историк науки А. Койре считает, что Декарт в этом вопросе превосходит Кантора мощью и глубиной своих взглядов [4, с. 40].

Однако заинтересованность основателей новоевропейской науки в положительном понимании актуальной бесконечности не дала ожидаемого результата. Возможно, поэтому исследователи не придают должного значения таким исканиям. Так, касаясь вклада Галилея в подготовку фундамента механики нового времени, П. П. Гайденок замечает, что исследователи «до сих пор обращали мало внимания» на то, что «в своих философско-методологических гипотезах он [Галилей] оказывается последователем Николая Кузанского» [5, с. 56]. Но несмотря на отсутствие положительного понимания актуальной бесконечности, основанный на ее допущении проект математического естествознания все же утвердился в европейской науке. И уже это одно должно было дать повод ожидать, что осознание невозможности реализации актуальной бесконечности, которое рано или поздно должно было прийти на смену исканиям такой возможности, приведет к реформации проекта математического естествознания, причем реформации радикальной. И действительно, по представлениям эпистемологии неклассической, математическая физика остается возможной, но только не на том основании, которое полагали ее создатели. Как оказалось, ее основанием является не актуальная, а потенциальная бесконечность. Современные проблемы в философских основаниях науки, вызванные несоответствием между тем, чем пытались сделать науку ее основатели, и тем, чем она явилась на самом деле, обращают взоры исследователей к категории потенциальной бесконечности. Одной из таких проблем является широко дискутируемая проблема эпистемологического релятивизма, удовлетворительное понимание которой требует признания того, что наука имеет дело с потенциально бесконечной реальностью [6].

На перспективности представления о потенциально бесконечной реальности в борьбе с антиреализмом настаивает Э. Агацци. В работе «Научная объективность и ее контексты»

он пишет, что «область референтов, очевидно, не задается, но находится в состоянии постоянного строительства, в том смысле, что это открытое и **потенциально бесконечное** множество» [7, с. 215]; что «...вещь есть **потенциально бесконечная** связка предикатов <...> вещь может рассматриваться с **потенциально бесконечного** числа точек зрения и, таким образом, считается обладающей **бесконечным** числом свойств (*выделено мной – М. Ф.*)» [7, с. 270].

Свой вклад в пересмотр оснований новоевропейского проекта математизации природы вносит К. Мейясу. Он напоминает, что творцы новоевропейской науки с самого начала стремились сделать ее описания безотносительными к субъекту, очистить от всего, называемого тогда «идолами» и «вторичными качествами». Такие стремления творцов науки и были реализованы в отстаиваемой ими возможности математического описания природы. Однако значение их достижений было поколеблено кантовским поворотом, отделившим непознаваемую реальность «в себе» от данной «для нас» (о том, как такое разделение было связано с проблемой нереализуемости актуальной бесконечности, пойдет речь в данной статье). В связи с этим Мейясу считает недоразумением устоявшееся сравнение кантовского поворота с коперниканской революцией. Он уверен, что его следовало бы признать, наоборот, реваншем Птолимея [8, с. 167–194]. На фоне этого Мейясу показывает, что достижения творцов науки могут быть восстановлены, что корреляционный круг, замыкающий познание на том, что является «для нас», и оставляющий то, что существует «в себе» непознаваемым, может быть разорван, если признать, что единственное «в себе», которое находится за пределами этого круга, есть потенциальная бесконечность или нетотализируемое трансфинитное. Оно и признается теперь абсолютom, который есть не что иное, как крайняя форма хаоса, гиперхаос, поддерживаемый принципом неоснования, или не-Всё как абсолютизация нетотализируемого трансфинитного [8, с. 91, 94, 165].

Замена основания в проекте математизации природы ведет к радикальным изменениям сути самого проекта прежде всего потому, что новое основание, это не какое-то другое основание, а именно неоснование как абсолютизация нетотализируемого трансфинитного (потенциально бесконечного). При этом возможность и необходимость такой радикальной трансформации новоевропейского проекта математизации природы была изначально в нем заложена ввиду принципиальной нереализуемости актуальной бесконечности. Таким образом, эпистемологическая классика¹ и неклассика оказываются довольно тесно связаны между собой, несмотря на признаки крайнего различия. Ведь последняя утверждается на отрицании положений первой (не-фундаментализм, не-наукоцентризм, не-субъектоцентризм) [3, с. 234]. А раз так, то и переходный этап от классики к неклассике, представленный кантовским поворотом, должен сочетать в себе черты и того и другого, что и фиксирует проблема неоднозначности места Канта в истории философии и его вклада в развитие эпистемологии. Однако такое прямое соотнесение Канта с современными ему событиями в истории и философии науки, связанными с неоправданным принятием актуальной бесконечности, осложняется тем обстоятельством, что сам факт влияния проблемы актуальной бесконечности на развитие этих событий остается малоисследованным. Возможно, что именно

¹ Как утверждает Б. И. Пружинин, контуры классической эпистемологии – концептуальный инструментарий, стержневая проблематика и набор основных решений проблем – определились в XVII в. [3, с. 235].

отсутствие ясности в этом вопросе становится причиной тех затруднений в определении подлинного места Канта в истории философии, с которыми сталкиваются исследователи. К такому соображению подводит М. К. Мамардашвили в работе «Кантианские вариации» [9], где встречаются частые замечания о том, что общепринятые, устоявшиеся представления о кантовской философии не соответствуют ее подлинному смыслу. При этом, восстанавливая последний, Мамардашвили опирается именно на проблему актуальной бесконечности.

В европейскую философию актуальная бесконечность вошла благодаря теологическим спекуляциям Николая Кузанского, основанным на представлении о трансцендентной реальности христианского Бога-Творца как отличной от сотворенного мира актуально бесконечной сущности, понятие о которой может быть только апофатическим. По причине этого последнего обстоятельства Кузанский, говоря о возможности приобщения конечной природы к актуально бесконечной, не придавал прямого значения своим рассуждениям. Он говорил не о действительной природе, а о воображаемой, в отношении которой можно каким-то скачком мысли допустить причастность к актуально бесконечному. Как поясняет П. П. Гайденко, «между потенциальной бесконечностью возрастания величины и актуальной бесконечностью всегда остается “зияние”, непреходимая пропасть, и Кузанец совершает здесь “скачок”, никакой логикой не объяснимой. Но с помощью этого “скачка”, совершаемого в действительности с помощью теологических, а не математических понятий, в рассуждения о математических предметах вводится понятие актуальной бесконечности» [5, с. 55].

Онтологический проект Кузанского стал эпохальным для европейской интеллектуальной культуры того времени и был воспринят основателями новоевропейской науки. По словам А. В. Ахутина, в онтологическом проекте Кузанского нетрудно распознать черты новой природы, равно как и нового (ноевропейского) мышления [10, с. 51]. Однако вопреки Кузанскому он стал применяться к действительному, а не к воображаемому миру.

Касаясь этого эпизода, историки науки затрудняются с разъяснением возможности такого перехода. Так, Л. М. Косарева констатирует присутствие стихийных эффектов в качестве движущих сил этого события. Она утверждает, что невиданный успех ньютонианства породил эффект его догматизации, хотя сам Ньютон никогда не считал свою концепцию тяготения достоверным знанием в аристотелевском смысле [11, с. 217]. Невозможность указать на основания перехода от вероятностной концепции естествознания к положительной науке (таким основанием должно было стать положительное понятие актуальной бесконечности) в каком-то смысле обесценивает проблему данного перехода для исследователей.

Проблема перехода от вероятностной эпистемологии к положительной науке осложняется еще и тем обстоятельством, что отсутствие положительного понятия актуальной бесконечности (как основания такого перехода) влечет за собой необходимость признать бесосновательным сам проект новоевропейского математического естествознания как положительной науки [12]. Но это в свою очередь плохо согласуется с фактом его действительно невероятной успешности. К тому же для полноценного исследования проблемы перехода от вероятностной эпистемологии к положительной науке в истории новоевропейской философии и науки на самом деле очень мало данных. Дело в том, что современники этого перехода не высказывались о его основательности открыто, иначе этого перехода могло бы и вовсе не произойти. Но были и такие мыслители, которые хотя и не обсуждали этот вопрос открыто, но в

то же время и не закрывали глаза на проблему его нерешенности, считая, что последствия ее все равно рано или поздно дадут о себе знать. Таким был Кант. Несмотря на то, что традиционно истоки его философской позиции связывают с именами Беркли и Юма и теми проблемами, которыми они занимались, однако здесь возможны и другие взгляды. Так, А. В. Ахутин видит связь между незнанием, воспринятым творцами новоевропейской науки через Николая Кузанского, и агностицизмом Канта [10, с. 70]. Но суть этой связи А. В. Ахутин в своей работе не раскрывает. Эту задачу ставит перед собой автор данной статьи.

Методология и источники. В статье осуществляется реконструкция и критический анализ подхода Канта к нейтрализации проблемы актуальной бесконечности на основе привлечения как первоисточников, так и историко-философских и историко-научных работ, современных исследований в области теории познания. Последние представлены работами Е. Н. Князевой, В. А. Лекторского, Б. И. Пружинина, С. Цоколова, К. Мейясу, Э. Агацци и др. Из историко-научных и историко-философских работ привлекаются исследования Л. М. Косаревой, В. Н. Катасонова, А. Койре, А. В. Ахутина, П. П. Гайденко, В. С. Библера и др. Отдельно выделяются «Кантианские вариации» М. К. Мамардашвили, где уже были сделаны некоторые шаги в направлении признания кантовского поворота ответом на проблему актуальной бесконечности. Продолжением их является настоящее исследование.

Результаты и обсуждение. Кант пытался реформировать онтологический проект Николая Кузанского с тем, чтобы сохранить завоевания основанной на нем вероятностной эпистемологии, т. е. возможность математизации природы, но при этом сделать эту возможность применимой к старому (конечному) миру, а не к тому новому, который предполагается лишь как воображаемый, а не действительный мир. Основатели новоевропейской науки (Галилей, Декарт, Ньютон и др.) пытались действовать здесь напрямую и так или иначе искали способ сам старый мир «сделать» новым на основе положительного понимания актуальной бесконечности¹. Беркли, наоборот, исходя из христианского представления об актуально бесконечной сущности Бога-Творца, настаивал на качественном отличии воспринимаемого Богом от того, что воспринимается конечным духом, притом, что для Беркли существовать – это значит быть воспринимаемым. А поскольку у Беркли чувственные вещи суть божественные идеи, в том виде как они представлены конечным человеческим духом, то отсюда очень простым ходом он делал вывод об иллюзорности всякого опытного чувственного познания. Кант подошел к этой проблеме по-другому. Он оказался способен из тех же представлений о соотношении конечного и бесконечного, что и Беркли, «каким-то поворотом зрения и мышления сделать совершенно иной, неожиданный и решающий проблему вывод» [9, с. 153]. Кант указывает на такие особенности конечной природы, которыми нейтрализуется проблема соотношения конечного с бесконечным. По сути, эта проблема является проблемой соотношения имманентного и трансцендентного, в том смысле, что последнее как «конец» бесконечного пути всегда будет оставаться непроходимым конечными шагами. Для

¹ Так, в «Беседах» Галилея можно встретить парадоксальные математические эксперименты, как бы открывающие бесконечность конечных форм [13]. Для Декарта, как утверждает А. Койре, «именно бесконечное является первичным и позитивным понятием, так что конечное может быть понято лишь посредством отрицания бесконечного» [4, с. 42]. У Лейбница, согласно его принципу законпостоянства, частным случаем которого является принцип непрерывности, свойства конечного переносились «на бесконечность» [14]. У Ньютона конечное (относительное) пространство было непосредственной частью абсолютного и бесконечного.

Канта же эта проблема становится псевдопроблемой. И основанием для такого переворота становятся сами особенности конечной природы.

Так, с одной стороны, основания для видимых вещей идут в бесконечность, для одного основания есть другое основание и т. д. Но, с другой стороны, в каждый данный момент существует особый акт, в котором должны быть основания для остановки. Нужно что-то подумать *уже сейчас* и *уже сейчас* нужно что-то делать. «Ведь мы не можем не думать, ожидая сбора всех знаний», – поясняет Мамардашвили [9, с. 175]. По его словам, это и есть ограничение, накладываемое на наше конечное существование стихией практического [9, с. 175]. Но в этом «сейчас», – продолжает Мамардашвили, – и будет проглядывать для Канта «всеохватывающее и в этом смысле бесконечно мощное отношение» [9, с. 112], где бесконечное, не поддающееся обзору конечными шагами, все представлено целиком [9, с. 176]. Так, бесконечное как трансцендентное становится у Канта трансцендентальным. То есть, если при традиционном понимании бесконечного как трансцендентного оно представляется чем-то, находящимся в конце бесконечного непроходимого пути, то для Канта оно, наоборот, есть то, что присутствует сразу в самом начале. Такого понятия о бесконечном Кант достигает следующим образом.

Он отталкивается от популярной в его время идеи бесконечного множества миров, среди которых действительный мир является лишь одним из возможных. Об идее множества миров Кант говорит уже в самом начале своей первой опубликованной работы «Мысли об истинной оценке живых сил» (1746) [15, с. 68–69]. Миры различаются на основании различия их пространств, которые определяются тем или иным устройством чувственности. До тех пор, пока конкретное устройство чувственности не определило в соответствии с собой, каким быть пространству одного из множества всех возможных миров, все это множество, по Канту, как бы находится в одной точке. Этим взгляды Канта на проблему бесконечности миров отличаются от представлений Бруно, для которого бесконечность в этом случае есть именно пространственная бесконечность в ее актуальном состоянии, в связи с чем вопрос о том, что она собой представляет, становится для него обсуждаемым вопросом. Иначе для Канта. Поскольку в связи с нашим устройством чувственности наш мир *уже* определился в качестве *этого* мира, то этот факт сам становится для нашего мира простым началом, а все, что было раньше него, т. е. бесконечность как множество всех возможных миров, теперь уже не может входить в содержание нашего знания о мире и не может быть для нас обсуждаемым вопросом.

Таким образом, на этом этапе у Канта конечное как бы отрезается от бесконечного *фактом* определения пространства нашего мира на основе нашего устройства чувственности. Этим проблема связи конечного и бесконечного как таковая нейтрализуется и переходит в центральную для Канта проблему антиномий.

Вместе с тем ограничение возможностей нашего познания нашим устройством (причем по большому счету случайным устройством) чувственности отмечает кантовскую теорию познания печатью агностицизма. Однако у Канта такой агностицизм преодолевается в понятии трансцендентального Я, которое есть абстракция сознания вне и помимо связи сознания с органами чувств. На основе понятия трансцендентального Я Кант дает решение проблемы Юма. По Канту, трансцендентальное единство апперцепции обеспечивает не только

единство сознания, но и единство предмета познания. Так, он пишет: «Условия *возможности опыта* вообще суть вместе с тем условия *возможности предметов опыта* и потому имеют объективную значимость в априорном синтетическом суждении» [16, с. 171]. Таким образом, Кант преодолевает агностицизм Юма. «По законам ассоциации, – поясняет философ, – я мог бы только сказать: если я несу какое-нибудь тело, я чувствую давление тяжести, но не мог бы сказать: оно, это тело, есть нечто тяжелое, следовательно, утверждать, что эти два представления связаны в объекте, т. е. безотносительно к состояниям субъекта, а не существуют вместе только (как бы часто это ни повторялось) в восприятии» [16, с. 135]. Трансцендентальный синтез обеспечивает предметам опыта скоординированность многообразных взаимосвязей, элементов и их законов. Как поясняет Мамардашвили, «сколько бы законов для окружности я ни установил, они будут согласны между собой и ни один последующий не разрушит предшествующий» [9, с. 200]. Как видно, трансцендентальный синтез предпосылает бесконечному возможному опытному познанию предмета понятие о единстве в нем всего многообразия взаимосвязей, элементов и их законов. Мамардашвили считает, что в трансцендентальном аппарате анализа «Кант и вводит актуальную бесконечность – не предметного ряда, или предметной данности, но актуальную бесконечность связности на уровне формы выражения и чтения. По форме все дано, все дано одновременно, ряд бесконечного пройден по форме» [9, с. 176].

В этом специфика кантовского подхода к проблеме бесконечности. Раньше решение проблемы связи конечного и бесконечного видели в наделении конечного новыми свойствами, сближающими его с бесконечным. Причем предлагаемые в этом случае пути наделения конечного новыми свойствами, как правило, всегда вызывали вопросы и подвергались сомнению. Кант же, наоборот, применяет к проблеме бесконечности своего рода отрицание отрицания. Сначала наш мир определяется на основе нашего устройства чувственности как конечный и тем самым отрезается от бесконечности как множества всех возможных миров, еще не определенных той или иной организацией чувственности. Но потом обратно вводится понятие трансцендентального Я, помимо связи с органами чувств, что позволяет говорить о **неэмпирическом** априорном синтезе, который дает нечто дополнительное конечным возможностям познания. И это дополнительное есть причастность к актуальной бесконечности. Как утверждает Мамардашвили, «проблема трансцендентального есть проблема какой-то снятой, сокращенной или связующей представленности бесконечного *hicetnunc*» [9, с. 177].

Таким образом, по отношению к проблеме бесконечности отрицание отрицания становится у Канта утверждением, на основе которого за конечным утверждаются свойства бесконечного, а за бесконечным – свойства конечного. Так, по словам Мамардашвили, Кант вводит «постулат конечности», но «одновременно там содержится и проблема Всего, или Одного, или проблема формы, формальной материи мира, трансцендентальной материи мира» [9, с. 156]. А «форма – это вопрос одного, которое есть все и не зависит от прохождения эмпирического ряда конечными шагами» [9, с. 111].

Так, важнейшим итогом исканий Канта, способствовавшим вступлению европейской философии на путь ниспровержения классики, стала утрата исходного представления о соотношении конечного с бесконечным, которое всегда определялось оппозицией имманент-

ного и трансцендентного. История философии знала много безуспешных попыток решения проблемы их единства. Но при этом начальные условия этой проблемы всегда были представлены прямо и открыто. Например, Декарт пытался соединить идею Я как конечности и несовершенства с идеей Бога как бесконечности и совершенства. Галилей в представлении об интенсивном и экстенсивном познании пытался сделать конечное частью бесконечного. Сравнивая конечные человеческие возможности познания со знанием Бога, он утверждал, что человек может знать так же, как и Бог, но только в меньшем количестве [17, с. 201]. В каждом из таких случаев обнаружение несостоятельности предлагаемого решения проблемы единства конечного и бесконечного позволяло восстановить ее исходное состояние, что оставляло по крайней мере надежду на возможность новых попыток. После Канта ситуация кардинально изменилась, так как совершенный им переворот взгляда на проблему единства конечного и бесконечного уже не позволял идентифицировать ее исходные составляющие (конечное и бесконечное) как таковые (т. е. как составляющие оппозиции трансцендентного и имманентного) и оставлял мало шансов возврату к ее исходному состоянию. Наоборот, таким переворотом открывалась возможность совершенно нового пути, ведущего к конструктивизму. Таким образом, Кант и оказывается в неопределенном положении между классикой и неклассикой.

С одной стороны, он исходит из тех представлений о соотношении конечного и бесконечного, которые определили собой проблематику эпистемологической классики. С этими представлениями связано понятие о вещи в себе, которое относится к *независимому* от нас миру всех возможных миров и не может быть совместимо с установками эпистемологического конструктивизма. А с другой стороны, мир всех возможных миров и связанная с ним проблема актуальной бесконечности у Канта впервые нейтрализуется и переходит в разряд антиномий за счет тех особенностей конечного, которыми обусловлен факт определенности пространства нашего мира нашим устройством чувственности, – факт являющийся, по Канту, для нашего мира простым началом, раньше которого для него ничего не может быть. То есть если есть этот мир, то уже нет мира всех возможных миров, и наоборот. Их нельзя взять вместе, поставить в один ряд. «...Представления одного мира ввиду его особенностей не могут быть идеями, сопутствующими представлениям другого мира, – пишет Кант. – Поэтому все то, что я как дух думаю, я как человек не вспоминаю, и, наоборот, у меня как духа нет представления о моем состоянии как человека» [18, с. 316].

По Канту, человеческая чувственность способна не только раз и навсегда отрезать конечное от бесконечного, но и делать это отрезание безболезненным, т. е. таким, которое не вынуждало бы потом конечное «страдать» от потери возможности приобщения к бесконечному. Это достижимо за счет утверждения за конечным некоторых свойств бесконечного, делающих из него некоторое самодостаточное образование, которое для своего полноценного функционирования ни в чем не нуждается¹. А с другой стороны, бесконечное, навсегда

¹ Если в связи с представлениями о кантовском агностицизме принято применять понятие «реальность» к непознаваемому миру вещей в себе, то, как поясняет Мамардашвили, «в основе кантовской мысли лежит ход, прямо обратный тому, который обычно применяется. Ухваченное в категориях количества, причины, скорости, места, времени – это и есть мир, реальный» [9, с. 99]. И, наоборот, для Канта применение термина «реальность» к миру вещей самих по себе есть высшее проявление агностицизма по отношению к миру человеческого восприятия.

отрезанное от конечного, у Канта освобождается от теологического наполнения¹ и вместо центрального получает периферийное значение в понятии вещей в себе.

Но с развитием частнонаучных исследований познания становится ясно, что установленной в кантовской теории познания самодостаточности конечного (как находящегося по «эту сторону» проведенного Кантом разделения между «для нас» и «в себе») нет места в реальном познавательном процессе. Так, в рамках междисциплинарного движения радикального эпистемологического конструктивизма, основатели и участники которого – специалисты в области биологии, нейрокибернетики, психологии, теории систем, вырабатывается концепция аутопоэтических систем, каковыми являются любые живые системы, жизнь во всех ее проявлениях, а познание признается тождественным жизни. Многие представители радикального конструктивизма считают, что они продолжают и радикализируют эпистемологический проект Канта, однако между ними и Кантом есть существенное различие, которое может быть принципиальным. Аутопоэтические системы автореферентны и воспроизводят сами себя, но их перманентная перестройка осуществляется в ответ на непрекращающееся воздействие *извне*, с которым они связаны круговой или циклической причинностью. То есть если у Канта «для нас» и «в себе» отделяются друг от друга раз и навсегда, то здесь они находятся в перманентном взаимодействии, пусть и весьма своеобразно понимаемом. Это значит, что разделение, проведенное Кантом между конечным и бесконечным (как объемлемым и объемлющим), становится подвижным, а проблема соотношения конечного и бесконечного становится вновь актуальной. Однако *теперь* первое оказывается совершенно «слепым» по отношению к последнему. Ведь раньше бесконечное как трансцендентное было «известно» со стороны своего теологического содержания, и вопрос о возможности приобщения к нему мог в соответствии с этим содержанием дискутироваться. Но после его опустошения Кантом и последовавшей затем подвижности установленного им разделения между конечным и бесконечным стало вообще не понятно, *что* теперь лежит по ту сторону и с *чем* взаимодействует познающий актер. Сам радикальный конструктивизм пытается уйти от этого вопроса. Согласно выработанным здесь представлениям о циклической замкнутости познания, рассмотрение чего-либо, выходящего за пределы аутопоэтической системы, исключается. Радикальный конструктивизм – это эпистемология без онтологии. Но уже в самих утверждениях такого рода четко просматривается отношение их авторов к проблеме существования реальности. Как отмечает С. Цоколов, «авторы конструктивизма не только “забывают” о своем обещании не делать никаких заявлений онтологического либо метафизического характера, но и напрямую обсуждают вопрос о том, до какой степени можно допустить существование онтологической реальности» [20, с. 7]. К этому вынуждает и постоянно висящее над радикальными конструктивистами обвинение в солиптизме.

Но даже в случае отказа самих радикальных конструктивистов от открытых заявлений онтологического характера представляется возможным заключить, что циклическая замкнутость аутопоэтической системы предполагает потенциальную бесконечность за ее пределами. По словам фон Фёрстера, который пришел к радикальному конструктивизму из

¹ Памятование об опустошенном теологическом наполнении вещи в себе дает возможность утверждать, что «вещь в себе у Канта не что иное, как бог» [19, с. 179].

кибернетики, креативный цикл – это *gekrümmte Raum*, изогнутое пространство, в котором человек, удаляясь от себя, возвращается к самому себе [20, с. 135]. Но прототип циклической причинности был дан еще Зеноном Элейским. Исследуя вопрос о том, как может быть пройден весь уже пройденный телом путь, Зенон вводит *бесконечно* повторяющееся условие «прежде чем» (прежде чем пройдет весь путь, пройдет его половину). В итоге Зенон показывает, что возникающей таким образом циклической замкнутостью индуцируется потенциальная бесконечность на месте *уже* пройденного по условию (т. е. имеющего свой конец) пути. (Ср.: в радикальном конструктивизме – на месте *уже* существующей независимо от познающего актора реальности.) Другими словами, на месте конечного оказывается потенциально бесконечное. Из рассуждений Зенона (а он обращается к методу рассуждения от обратного) также известно, что условием такого изменения природы конечного является неоправданное допущение возможности реализации в ней актуальной бесконечности¹. Таким образом, Зеноном впервые была обнаружена неизбежность распада конечного в потенциально бесконечное при неоправданном допущении актуальной бесконечности. Эта «формула» впоследствии стала парадигмальной для развития западноевропейской философии и науки.

О том, что потенциальная (дурная) бесконечность в радикальном эпистемологическом конструктивизме становится ответом на вопрос о соотношении познающего и познаваемого (как внешнего), замечает В. А. Лекторский. Он пишет, что в радикальном конструктивизме, «пытаясь понять отношение организма и окружающей среды, мы уходим в дурную бесконечность» [22, с. 16].

Казалось бы, с одной стороны – соотнесенные в виде антиномии конечное и бесконечное как трансцендентное, а с другой – дурная бесконечность, не знающая пределов своей имманентности, свидетельствуют о принципиальном различии между соответствующими тому и другому кантовской теорией познания и радикальным эпистемологическим конструктивизмом и побуждают искать другие корни у последнего. Однако нельзя сказать, что проведенное Кантом разделение между конечным и бесконечным было достаточно надежным. Как было показано выше, Кант наделял конечное некоторыми свойствами актуально бесконечного, что сделало для него исходное актуально бесконечное, у которого были заимствованы эти свойства, как бы уже ненужным. Так, вместо центрального значения для новоевропейской теории познания оно получило периферейное, что позволило Канту объявить его вещью в себе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако насколько был оправданным и мог ли быть допустимым такой подход к актуальной бесконечности? Ответ на этот вопрос дает его историческая судьба. Проведенное Кантом разделение оказалось ненадежным. При этом на месте актуально бесконечного как трансцендентного была

¹ Актуальной бесконечностью предполагается не столько отсутствие конца, сколько отсутствие *недостатка*. Это значит, что здесь неограниченная возможность возрастания (или уменьшения) конечной величины должна приводить к такого рода *полноте*, к такому *новому качеству*, что ввиду него дальнейшее *количественное* возрастание (или уменьшение) как бы отойдет на второй план. Зенон имел основания предполагать, какого рода изменение качества конечной величины, уменьшаемой в результате дихотомического деления, нужно ожидать для того, чтобы из конечной она стала актуально бесконечной. По Зенону, это «превращение» делимого в неделимое, т. е. «превращение» до бесконечности делимой конечной величины во множество неделимых единиц. Такое множество и должно было стать актуально бесконечным. Подробнее об этом см. [21].

обнаружена потенциальная бесконечность, не знающая пределов своей имманентности. Интересно, что радикальный конструктивизм, имеющий последнюю как бы своим основанием, имеет и пункт, оставляющий возможность его соотнесения с кантовской теорией познания. В радикальном конструктивизме все-таки сохраняется вопрос о «внешнем», но радикальный конструктивизм, считая себя разновидностью скептицизма¹, воздерживается от ответа на данный вопрос.

Для радикального конструктивизма скептическое воздержание от суждений о «внешнем» оправдывает и даже делает неизбежным возможность бесконечного регресса в разыскании ответа на вопрос о «внешнем». Другими словами, если Кант *знает*, что вещь в себе не познаваема в принципе и может указать, какие имеются на то основания, то радикальный конструктивизм, воздерживаясь от ответа на подобный вопрос, тем самым признает, что *не знает*, какие возможности для познания (упущенные или еще неявленные) таит в себе «внешнее» как таковое. Тем самым радикальный конструктивизм волей-неволей допускает возможность заострения вопроса о «внешнем» на каких-то других, неизвестных ему самому путях. На одном из них такую возможность открывает поставленная в данном исследовании проблема подмены актуально бесконечного потенциально бесконечным. Идущая от Канта, эта проблема восстанавливает связь между ним и радикальным конструктивизмом, с одной стороны, а с другой стороны, дает возможность увидеть связь кантовской теории познания с предшествующей ей традицией понимания бесконечного как трансцендентного. В свете этого видно, что произведенное Кантом опустошение трансцендентного как актуально бесконечного от его содержания, хотя и дает ему возможность допустить реализацию актуально бесконечного в конечной природе в виде какой-то «снятой, сокращенной или связующей представленности бесконечного» [9, с. 177], но это допущение оказывается неоправданным и так же, как в случае Зенона, его результатом становится распад конечного в потенциально бесконечное. Но последнее не может претендовать на то, чтобы теперь считаться подлинным наполнением «внешнего». В таком качестве потенциально бесконечное лишь узурпирует права подмененного им подлинного содержания «внешнего», т. е. актуально бесконечного как трансцендентного. Причем такая узурпация, не будучи опознанной, способна дезориентировать теорию познания еще больше. Так, на фоне нейтрализации кантовского отделения конечного от бесконечного как трансцендентного современная теория познания усматривает для себя такие перспективы, которые, отменяя проблемы классики (познание независимой реальности), самым неожиданным образом как будто выходят на их решение, что делает впредь излишней проблематизацию утраты понятия о трансцендентном. В рамках натуралистического поворота в эпистемологии, одной из версий которого является эволюционная эпистемология [23, с. 8], стало возможно исследование чувственной организации в различных биологических нишах, представители которых обладают формами чувственности, отличными от свойственной человеку. «Всякий живой организм строит свою истинную картину реальности и встраивается в определенную нишу, называемую в эволюционной биологии экологической нишей, а в познавательном плане – когнитивной нишей...

¹ Усилиями классика радикального конструктивиста Эрнста фон Глазерсфельда «конструктивизм превращается в целое направление в эпистемологии, своими корнями уходящее в учение античных скептиков и не прерывающее своей истории на протяжении всего развития человеческой мысли» [20, с. 50].

Когнитивные ниши у разных живых организмов – разные, т. е. разные организмы живут в разных когнитивных мирах... Когнитивный аппарат человека, называемый эволюционными эпистемологами вслед за Э. Брунsvиком рациоморфным, т. е. функционирующим на предсознательном уровне, способен воспринимать только один, относительно малый фрагмент реальности» [24, с. 57]. Человеческая форма чувственности оказывается лишь одной наряду с другими присутствующими в мире формами и уже не может, как у Канта, определять собой этот мир и таким образом отделять его от бесконечного и независимого, который полагался Кантом как вещь в себе. После обнаружения такого рода открытости конечного мира в направлении к бесконечному, следствием произведенного Кантом предварительного опустошения бесконечного от теологического содержания явилось то, что на его месте теперь могло быть обнаружено *любое* содержание. А это значит, что теория познания не будет ставить проблему соответствия обнаруженного предполагаемому по каким-то заранее известным критериям¹.

Этой открытости теории познания для признания на месте «в себе» любого содержания способствовало и то, что разделением «в себе» и «для нас» задавалось такое представление, что все, находящееся за пределами «для нас», относится к «в себе». В этих условиях возможностью неограниченной пролиферации новых корреляций, возникающих за пределами «для нас» и не только на основе других форм чувственности, свойственных различным биологическим нишам², создается эффект «открытия реальности», когда в необозримой среде непознаваемого начинают как бы высвечиваться отдельные участки. Современная теория познания склоняется к тому, чтобы считать их свидетельством проявления объективной реальности, находящейся за пределами «для нас» и способной проявлять себя столь различными способами. Перспективы реабилитации потесненного Кантом реализма современная теория познания связывает с тем, чтобы научиться интегрировать такие фрагменты проявления объективной реальности. Такой интеграцией и будет положено начало открытия самой объективной реальности. Об этом в сборнике статей с характерным названием «Перспективы реализма в современной философии» читаем: «Наибольший успех может быть достигнут при интеграции знаний представителей очень различных сред обитания, у нас нет основания для безапелляционного вывода о невозможности такой интеграции. Наоборот, можно надеяться, что с развитием научного познания человечество развивает и пластичность способов описания реальности и учится работать с релятивностью познавательных позиций так, чтобы не превращать их в препятствие познанию объективного мира, а наоборот, использовать в качестве инструмента открытия реальности» [25, с. 320].

Таким образом, для современной теории познания создается видимость решения проблемы бесконечности как проблемы непознаваемого трансцендентного. Оно перестает быть непреодолимо запредельным для человеческого познания. Казалось бы, обсуждаемая на

¹ Так, именно теологическим содержанием философии бесконечности Николая Кузанского определялась смысловая наполненность понятия актуальной бесконечности и задавался характер соотношения конечного с актуально бесконечным. По Кузанскому, бесконечная простота запредельного миру христианского Бога в ходе апофатической рефлексии проецируется умом в точку – минимум мира, совпадающий с максимумом, который в отличие от сотворенных Богом конкретных вещей есть все то, чем он может быть.

² Субъекты новых корреляций рассматриваются как различные «антропотехнические системы» [25, с. 320], когда речь идет о картине мира, формируемой современным естествознанием.

протяжении веков возможность объединения конечного и бесконечного наконец-то найдена. Однако на самом деле вместо решения проблемы бесконечного как трансцендентного, т. е. проблемы актуально бесконечного, здесь имеет место подмена актуально бесконечного потенциально бесконечным как нетотализируемым трансфинитным, которое не имеет пределов своей имманентности. Этим свойством нетотализируемого трансфинитного и обусловлена неизбежность отнесения проблемы трансцендентного к разряду псевдопроблем. Однако этим не отменяется проблема самой подмены актуально бесконечного (как трансцендентного) потенциально бесконечным (как не имеющим пределов своей имманентности). Скорее, наоборот, заострение проблемы такой подмены ставит под вопрос все те плюсы для теории познания, которые сулит ей эта подмена.

Важно понимать, что обнаружением потенциальной бесконечности на месте бесконечности актуальной проблема нереализуемости последней не отменяется. Та «победа» имманентизма, о которой говорят сегодня, в частности упомянутые выше конструктивный реализм Агацци и спекулятивный реализм Мейясу, имеет сомнительное происхождение, а потому требуется тщательное исследование оснований ее возможности. В данной статье было рассмотрено, как проведенное Кантом переосмысление соотношения конечного и бесконечного открыло для теории познания путь, приведший сегодня к этой «победе». Она стала возможна главным образом благодаря тому, что произведенная Кантом деформация самой проблемы актуальной бесконечности сделала последующую подмену актуальной бесконечности потенциально малозаметной. Тем не менее проблема такой подмены остается реальной проблемой, которая позволяет себя обнаружить. В данной статье были предприняты некоторые шаги в этом направлении. И тот путь, куда они ведут – это путь реабилитации значимости исходной проблемы актуальной бесконечности, сулящий большие перемены в теории познания.

Интересно, что осознанное или неосознанное стремление их избежать побуждает сегодня кантоведов к пересмотру самой кантовской теории познания. Так, «революционная» трактовка трансцендентализма, развиваемая в работах Г. Эллисона [26], Дж. Праусса и других ученых, получила название теории «двух аспектов», в противоположность традиционной трактовке «двух объектов/миров». Эта теория позволяет говорить о сохранении у Канта эмпирического вектора познания (от вещи в себе к представлениям) и делает возможной реалистическую трактовку трансцендентализма Канта. В соответствии с ней «кантовская теория опыта является эмпирическим реализмом, а его трансцендентализм выступает как рефлексивная эпистемологическая надстройка» [27, с. 127]. Производимое в рамках реалистической трактовки смягчение кантовского разделения между «в себе» и «для нас» делает его теорию познания ближе к современной и одновременно отдаляет ее от той проблемы бесконечного как трансцендентного, которая была положена в ее основание и которая была актуальной проблемой той эпохи. В результате связь между этой проблемой и ее последствиями для современной теории познания как будто теряется. Создается впечатление, что Кант с самого начала рассуждал в русле тенденций, созвучных современной теории познания. Получается, что куда бы эти тенденции теперь не завели, их истоки, как и возможность их проблематизации, оказываются утраченными.

Заключение. Таким образом, в статье выявляется значение проблемы актуальной бесконечности для кантовского поворота и его последствий для современной теории познания.

Актуальная бесконечность вошла в новоевропейскую теорию познания в качестве проблемы. Это значит, что созданная основателями новой науки теория познания включала в себя перспективы нахождения положительного понимания актуальной бесконечности. Нереализуемость последнего стала непреодолимым препятствием для состоятельности новоевропейской теории познания. Кантом проблема актуальной бесконечности деформируется и нейтрализуется. Он наделяет конечное некоторыми свойствами актуально бесконечного (деформация), что делает для него исходное актуально бесконечное, у которого он заимствует эти свойства, как бы уже ненужным (нейтрализация). Таким образом, возможность реализации актуально бесконечного в конечной природе оказывается допущена неоправданно. Вследствие этого актуальная бесконечность как непознаваемое трансцендентное подменяется потенциальной бесконечностью, не знающей пределов своей имманентности. В итоге исходная проблема значимости для теории познания непознаваемого трансцендентного обращается в псевдопроблему. Однако при этом сама проблема такого рода подмены остается реальной проблемой. О ее объективной значимости свидетельствует выявленная еще Зеноном закономерность соотношения между конечным и бесконечным, при которой неоправданное допущение возможности реализации актуально бесконечного в конечной природе приводит к ее распаду в потенциально бесконечное. Актуализация значимости данного соотношения способна дать новую жизнь ниспровергнутым неклассикой ценностям классической эпистемологии и, прежде всего, утраченной возможности связывать проблему познания с независимой от познания реальностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова В. О. Философия Канта и современный конструктивизм: точки соприкосновения // *Личность. Культура. Общество*. 2011. Т. XIII, вып. 2. № 63–64. С. 211–216.
2. Жилин В. И., Ефимова С. В. Кант против конструктивистов // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2014. № 4 (18). С. 10–18.
3. Пружинин Б. И. Неклассическая эпистемология: взгляд из классики / *Постнеклассика: философия, наука, культура*. СПб.: Мирь, 2009. С. 230–248.
4. Койре А. *Очерки истории философской мысли: о влиянии философских концепций на развитие научных теорий* / пер. с фр. Я. А. Ляткера. М.: Прогресс, 1985.
5. Гайденко П. П. К вопросу о генезисе новоевропейской науки // *Философия науки*. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 1998. С. 52–60.
6. Филатова М. И. Радикализация проблемы эпистемологического релятивизма (аргумент «за») // *Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология*. 2022. Вып. 4. С. 579–589. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-579-589>.
7. Агацци Э. *Научная объективность и ее контексты* / пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Прогресс-Традиция, 2017.
8. Мейясу К. *После конечности: эссе о необходимости контингентности* / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
9. Мамардашвили М. К. *Кантианские вариации*. М.: Аграф, 2002.
10. Ахутин А. В. *Понятие «природа» в античности и в новое время («фюсис» и «натура»)*. М.: Наука, 1988.
11. Косарева Л. М. *Рождение науки нового времени из духа культуры*. М.: Ин-т психологии РАН, 1997.

12. Филатова М. И. Проблема актуальной бесконечности и пути новоевропейской классической эпистемологии: от генезиса к современному кризису // *Дискурс*. 2023. Т. 9, № 2. С. 5–21. DOI: <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-5-21>.
13. Библер В. С. Галилей и логика мышления Нового времени // *Механика и цивилизация XVII–XIX вв.* М.: Наука, 1979. С. 494–503.
14. Катасонов В. Н. Концепция актуальной бесконечности как «научная икона» Божества // *Христианство и наука: XII междунар. Рождественские образовательные чтения: сб. докладов конф.* М., 2004. URL: http://katasonov-vn.narod.ru/statji/razdel2/2-10_v.n.katasonov_koncepcija_aktualnoj_beskonechn.htm (дата обращения: 14.09.2022).
15. Кант И. Мысли об истинной оценке живых сил (1746) / пер. Б. А. Фохта // *Сочинения: в 6 т. Т. 1.* М.: Мысль. 1963. С. 51–82.
16. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2011.
17. Галилей Г. Диалог о двух системах мира / пер. А. И. Долгова // *Избранные труды: в 2 т. Т. 1.* М.: Наука, 1964.
18. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики / пер. Б. А. Фохта // *Сочинения: в 6 т. Т. 2.* М.: Мысль, 1964. С. 292–360.
19. Карапенян А. А. Критический анализ философии Канта. Ереван: Армгиз, 1958.
20. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: Phren, 2000.
21. Филатова М. И. Актуальная бесконечность: псевдопроблема или метаоснование западноевропейской философии и науки? // *Идеи и идеалы*. 2021. Т. 13, № 4, ч. 1. С. 11–27. DOI: [10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-11-27](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-11-27).
22. Лекторский В. А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // *Вопросы философии*. 2005. № 8. С. 11–21.
23. Князева Е. Н. Эволюционная эпистемология на перекрестках развития // *Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции*. М.: ИФ РАН, 2012. С. 8–34.
24. Князева Е. Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014.
25. Пирожкова С. В. Реалистичен ли реалистический поворот в философии и методологии науки? // *Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов*. М.: Канон-Плюс РООИ «Реабилитация», 2017. С. 297–331.
26. Allison H. E. *Kant's Transcendental Idealism; revised and enlarged ed.* New Haven: Yale Univ. Press, 2004.
27. Катречко С. Л. Трансцендентализм Канта как реалистическая теория «опыта/познания» (анализ структуры кантовского «коперниканского переворота») // *Философия и наука: проблемы и соотношения*. М.: РГУ, 2016. С. 127–134.

Информация об авторе.

Филатова Мария Игоревна – кандидат философских наук (2013), преподаватель кафедры философии Курской государственной сельхозакадемии им. И. И. Иванова, ул. Карла Маркса, д. 70, Курск, 305021, Россия. Автор 26 научных публикаций. Сфера научных интересов: онтология и теория познания, философия науки.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.03.2023; принята после рецензирования 15.05.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Bogdanova, V.O. (2011), "Kant's Philosophy and Modern Constructivism: points of contact", *Person. Culture. Society*, vol. XIII, iss. 2, № 63–64, pp. 211–216.

2. Zhilin, V.I. and Efimova, S.V. (2014), "I. Kant against constructivists", *The science of person: humanitarian researches*, no. 4 (18), pp. 10–18.
3. Pruzhinin, B.I. (2009), "Non-classical epistemology: a look from the classics", *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Postnonclassics: philosophy, science, culture], Mir, SPb., RUS, pp. 230–248.
4. Koyre, A. (1985), *Etudes d'Histoire de la Pensee philosophique*, Transl. by Lyatker, Ya.A., Progress, Moscow, USSR.
5. Gaidenko, P.P. (1998), "On the question of the genesis of New European science", *Philosophy of science*, iss. 4, pp. 52–60.
6. Philatova, M.I. (2022), "Radicalization of the problem of epistemological relativism (argument "for")", *Perm Univ. Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, iss. 4, pp. 579–589. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-4-579-589>.
7. Agazzi, E. (2017), *Scientific objectivity and its contexts*, Transl. by Lakhuti, D.G., Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.
8. Meillassoux, K. (2015), *Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence*, Transl. by Medvedeva, L., Kabinetnyi uchenyi, Ekaterinburg, Moscow, RUS.
9. Mamardashvili, M.K. (2002), *Kantianskie variacii* [Kantian variations], Agraf, Moscow, RUS.
10. Akhutin, A.V. (1988), *Ponyatie "priroda" v antichnosti i v Novoe vremya ("fysis" i "natura")* [The concept of "nature" in antiquity and in modern times ("fysis" and "nature")], Nauka, Moscow, USSR.
11. Kosareva, L.M. (1997), *Rozhdenie nauki novogo vremeni iz dukha kul'tury* [The birth of modern science from the spirit of culture], In-t psikhologii RAN, Moscow, RUS.
12. Philatova, M.I. (2023), "The Problem of the Actual Infinity and the Path of the New European Classical Epistemology: from Genesis to the Modern Crisis", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 5–21. DOI: [10.32603/2412-8562-2023-9-2-5-21](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-5-21).
13. Bibler, V.S. (1979), "Galileo and the Logic of Modern Thinking", *Mekhanika i tsivilizatsiya XVII–XIX vv.* [Mechanics and civilization of the XVII–XIX centuries], Nauka, Moscow, USSR, pp. 494–503.
14. Katasonov, V.N. (2004), "The concept of actual infinity as a "scientific icon" of the Deity", *Khristianstvo i nauka: XII mezhdunar. Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya* [Christianity and Science: XII Intern. Christmas Educational Readings], Moscow, RUS, available at: http://katasonov-vn.narod.ru/statji/razdel2/2-10_v.n.katasonov_koncepcija_aktualnoj_beskonechn.htm (accessed 14.09.2022).
15. Kant, I. (1963), "Thoughts on the true assessment of living forces (1746)", Transl. by Focht, B.A., *Sochineniya v 6 t.* [Essays in 6 vols.], vol. 1, Mysl', Moscow, USSR, pp. 51–82.
16. Kant, I. (2011), *Kritik der reinen Vernunft*, Trans. by Lossky, N., Eksmo, Moscow, RUS.
17. Galilei, G. (1964), "Dialogo", Transl. by Dolgov, A.I., *Opere Scelte*, in 2 vol., vol. 1, Nauka, Moscow, USSR.
18. Kant, I. (1964), *Träume eines Geistersehers, erläutert durch Träume der Metaphysik*, Transl. by Focht, B.A., *Sochineniya v 6 t.* [Essays in 6 vols.], vol. 1, Mysl', Moscow, USSR, pp. 292–360.
19. Karapenyan, A.A. (1958), *Kriticheskie analiz filosofii Kanta* [Critical analysis of Kant's philosophy], Armgiz, Erevan, USSR.
20. Tsokolov, S. (2000), *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma. Traditsii skeptitsizma v sovremennoi filosofii i teorii poznaniya* [Discourse of radical constructivism. Traditions of skepticism in modern philosophy and theory of knowledge], Phren, München, DEU.
21. Filatova, M.I. (2021), "Actual infinity: a pseudo-problem or a meta-foundation of western European philosophy and science?", *Ideas and Ideals*, vol. 13, no. 4, part 1, pp. 11–27. DOI: [10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-11-27](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-11-27).
22. Lektorsky, V.A. (2005), "Kant, radical constructivism and constructive realism in epistemology", *Voprosy Filosofii*, no. 8, pp. 11–21.
23. Knyazeva, E.N. (2012), "Evolutionary Epistemology at the Crossroads of Development", *Evolutionary Epistemology: the Modern Discussions and Trends*, IF RAN, Moscow, RUS, pp. 8–34.

24. Knyazeva, E.N. (2014), *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: a new form of Constructivism in Epistemology], Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, Moscow, SPb., RUS.

25. Pirozhkova, S.V. (2017), "Is the realistic turn in the philosophy and methodology of science realistic?", *Perspektivy realizma v sovremennoi filosofii* [Perspectives of realism in modern philosophy], Kanon-Plus ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, RUS, pp. 297–331.

26. Allison, H.E. (2004), *Kant's Transcendental Idealism*, revised and enlarged ed., Yale Univ. Press, New Haven, USA.

27. Katrechko, S.L. (2016), "Kant's Transcendentalism as a Realistic Theory of Experience/ Cognition: (Analysis of the Structure of Kant's Copernican revolution)", *Philosophy and Science: Problems and Correlations*, Russian State University for the Humanities, Moscow, RUS. pp. 127–134.

Information about the author.

Maria I. Filatova – Can. Sci. (Philosophy, 2013), Lecturer at the Department of Philosophy, Kursk State Agricultural I.I. Ivanov Academy, 70 Karl Marx str., Kursk 305021, Russia. The author of 26 scientific publications. Area of expertise: ontology and theory of knowledge, philosophy of science.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.03.2023; adopted after review 15.05.2023; published online 20.11.2023.*